

С. С. Розова

**Домашний семинар по эпистемологии и философии науки в Новосибирском
Академгородке как способ сохранения философских традиций**

В советской эпистемологии и философии науки в начале 60-х годов сложился целый ряд оригинальных концепций и направлений. Частично они были вынуждены маскироваться под марксизм, частично использовали малотиражные ротапунктные сборники, а иногда высказывались только устно на домашних семинарах и сохранились в лучшем случае в форме магнитофонных записей или конспектов. Нам кажется важным сохранить этот материал, проанализировать его и включить в научный оборот для создания истории отечественной философской мысли вообще и истории эпистемологии и философии науки в частности. Доклад посвящен опыту такой работы, связанной с историей домашнего семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке в 60-е - 70-е годы нашего века. История семинара важна как фрагмент "теневой" философии в нашей философской мысли эпохи тоталитаризма.

Семинар возник в ноябре 1963 года. Вот как описывается это событие в предисловии к сборнику материалов по истории семинара: "В те дни в Томске проходила Вторая всесоюзная конференция по логике и методологии науки, на которой наша небольшая группа философов из Новосибирска впервые встретилась с Георгием Петровичем Щедровицким. Его яркая и глубокая речь, его человеческое обаяние и его уверенность в знании пути, которым должна следовать философская мысль, практически полностью совпавшая с запросами нашей интуиции, покорили нас. Решено было по приезде домой организовать постоянно действующий семинар, чтобы учиться... Семинар действительно стал в жизни каждого из нас тем местом, где проходила самая главная часть нашей философской жизни, нашей учебы и нашего творчества" [1, с.3] Анализ работы домашнего семинара, объединившего молодых преподавателей философии, недавних [выпускников философских факультетов вузов Москвы и Ленинграда, а также других факультетов и вузов страны, и просуществовавшего около 20 лет на "теневой" стороне в условиях господства официальной идеологии, показал, что это был интересный опыт сохранения философских традиций и существования реальной философии.

Разъясняя мотивы и смысл деятельности по изучению истории этого семинара, его создатель и идеолог М. А. Розов писал: "История нашей

философской мысли эпохи тоталитаризма многослойна и многопланова. Существовала так называемая официальная философия, которая тиражировалась, навязывалась, фиксировалась в учебных программах, "развивалась" от съезда к съезду. Но за этим парадным подъездом, наглухо закрытым для живой мысли, скрывалось огромное здание, где люди разбредались по своим этажам и квартирам, чтобы жить более или менее нормальной жизнью. Здесь в конце 50-х и в 60-е годы процветали домашние семинары, формировались направления и школы и накапливалось то содержание, которое и сейчас составляет наш реальный багаж. Восстановить историю этой "теневого" философии иногда достаточно сложно, но важно, ибо в противном случае возникает "иллюзия парадного подъезда" [1, с.7].

Все участники семинара в той или иной степени противостояли тогдашней традиционной философии. Вместе с тем все они выросли в марксистской философской среде и атмосфере глубокого почтения лично к Марксу - философу. Естественно, что все они впитали многие идеи философии К. Маркса. "Нельзя сказать, что мы, создавая семинар, вообще отвергали марксизм, - замечает М. А. Розов, - ни в коем случае, мы просто хотели творчески работать без оглядки на опротивевшие догмы. Думаю, что именно неприятие догмы как таковой и было для нас в первую очередь объединяющим началом. Догмы не только вызывали протест самим фактом своего существования, они были уже достаточно дискредитированы после разоблачения так называемого культа личности, если не теоретически, то морально" [1, с.8].

Хорошее представление о социокультурной атмосфере Академгородка того периода дает следующий отрывок: "Молодой Академгородок тогда еще горел энтузиазмом и бурлил спорами и обсуждениями. Еще не было "остепененности" и сановности, собственных автомашин и садовых участков, зачастую не было кабинетов и приемных. Социальные программы не безразличны к тем физическим условиям, в которых они реализуются. В начале 60-х годов, на первых этапах формирования Сибирского отделения Академии наук целый институт мог располагаться в одной комнате или в квартире жилого дома, и это создавало условия для тесных контактов и общения ученых всех рангов, от академика до младшего научного сотрудника. Иными словами, теснота чисто физического характера приводила к разрушению социального дистанцирования. Все это толкало к творческому поиску и вызывало романтические настроения. Я уже не говорю о том, что все мы были достаточно молоды, верили в свое предназначение и полагали, что живем во втором Геттингене, где на единицу площади приходится максимальное количество Мыслящего серого вещества [1, с.8].

Существенным обстоятельством, определявшим как социокультурный фон, так и конкретную проблематику работы семинара, было постоянное тесное сотрудничество с учеными Академгородка. С одной стороны, участники семинара жили под моральным гнетом прежних грехов нашей традиционной философии с ее нападками на генетику, квантовую механику, теорию относительности и кибернетику, жили в плотном кольце математиков и естествоиспытателей, которые в первое время адресовали участникам семинара свое недоверие и неприятие. С другой стороны, именно они, представители и творцы классической науки не только задавали участникам семинара образцы работы, но нередко брали под защиту и ростки живой философской мысли и само существование домашнего философского семинара, принимая в его работе непосредственное участие. В ряде случаев работа велась непосредственно в научных лабораториях Института СО АН СССР - в Институте автоматизации и электрометрии, Институте геологии и геофизики. Институте экономики и организации промышленного производства. Одним из центров кристаллизации идей семинара явилась концепция методологической деятельности ученых как элемента межнаучного взаимодействия. Она нашла практическое приложение во взаимном сотрудничестве участников семинара и ряда ученых СО АН - академика А. А. Ляпунова, академика К.Б. Карандеева, академика Т.И. Заславской, члена-корреспондента АН СССР Н.А. Желтухина, профессора В.А. Соловьева и др. На базе идей семинара получили широкое обсуждение некоторые методологические проблемы науки, например, классификационная проблема, проблема понимания и объяснения, интернализма и экстернализма, проблема способов бытия математических объектов, проблема специфики гуманитарной науки.

В работе семинара выявлена широкая эпистемологическая программа, охватывавшая изучение как традиционно выделяемых объектов (абстракция, классификация, эксперимент, моделирование, карта, прибор, исторический источник, эмпирическое и теоретическое, идеальные объекты науки, научная теория), так и вновь выделенных (социальные эстафеты, системы с рефлексией, исследовательские и коллекторские программы, программно-предметные комплексы, рефлексивно-симметричные преобразования) Была реализована идея эмпирических исследований в эпистемологии, предполагавшая изучение широкого спектра как естественнонаучных, так и гуманитарных текстов. была разработана и постоянно совершенствовалась методика анализа научного текста, реконструирующая динамику научного знания. Параллельно и в ходе эмпирических исследований шло развитие теоретического аппарата и менялись онтологические допущения. Так, в середине 70-х годов был построен теоретический конструктор на базе

элементарного отношения "образец - реализация", создана теория нормативных систем, трансформировавшаяся впоследствии в теорию социальных эстафет, основанную на волновой онтологии и ставшую фундаментальной теоретической базой современных эпистемологических исследований этого направления.

В ходе содержательного тематического анализа материалов работы семинара была выявлена и проанализирована общая идейная платформа семинара, сохранявшаяся неизменной на всех этапах его существования и обусловившая нестандартный путь семинара в эпистемологии и философии науки. В нее входят: 1) предельное аксиологическое допущение возможности построения эпистемологии и философии науки по стандартам естественных наук; 2) предельное гносеологическое допущение, связанное с принятием деятельностного подхода в противоположность натуралистическому; 3) Исходные предметно-научные представления методологического характера: а) идея познания как естественноисторического процесса, б) идея эмпирической гносеологии и в) идея абстракции от ментальных состояний при описании явлений познания.

В истории семинара и сложившегося на его базе направления выделены три этапа: первый - период становления, время "слепых поисков и случайных находок", второй - период разработки исследовательской и коллаторской программ, так называемый "доэстафетный" период, и третий - период доработки программ на базе теории социальных эстафет и их функционирования.

На базе анализа выявленных центров кристаллизации основных гносеологических идей семинара (предмет научного исследования, классификация, деятельность и активность, операция знаково-предметной инверсии, наука как единство блоков производства, трансляции и использования знания, знание и схемы знания, методология) были выявлены основные особенности двух первых периодов. Их анализу посвящены работы [1, 2]. В первый период предметом исследования считалась деятельность ученого. При этом не осознавалось, что деятельность ученого и естественноисторический процесс развития науки дополнительны в смысле Н. Бора и могут объединяться в рамках одной гносеологической модели только после их предварительного автономного исследования средствами либо деятельностного, либо естественноисторического планов, исключаящего их неконтролируемое совместное применение. Этот недостаток был преодолен на втором этапе. Было осознано, что предметом исследования эпистемологии и философии науки является не сама деятельность ученого, а те объективные механизмы, в которых она осуществляется и развивается. Таковыми на втором этапе считались нормативные системы,

в которых каждый последующий акт нормируется предыдущим как образцом. Нормативные системы имеют надличностное существование, а их развитие осуществляется как естественноисторический процесс

Изменение предмета исследования (формирование коллекторской программы) было связано также с "переоткрытием" рефлексии. На первом этапе она рассматривалась как источник иллюзий ученого относительно его "подлинной" деятельности, описываемой эпистемологом с методологических позиций. Считалось, что эпистемолог вооружит ученого более богатой и более адекватной картиной его деятельности. На втором этапе было обнаружено, что в научных текстах неустранимо присутствует рефлексивное описание деятельности ученого, нерасчленимо связанное с описанием изученного объекта. Было осознано, что рефлексия ученого нормирует деятельность будущего на основании деятельности прошлого. Специфика позиции эпистемолога и философа науки была осознана как надрефлексивная, связанная с изучением науки как системы с рефлексией, что кардинально расходилось с прежними традициями эпистемологов и философов науки, которые обычно систематизировали самописание научной рефлексии.

Проиллюстрируем одну из ключевых эпистемологических идей, определивших лицо семинара и его нестандартный путь - идею построения эмпирической эпистемологии и философии науки. "Это означало, - писал М. А. Розов, что нас интересовали не догмы, не цитаты "классиков, а эмпирический анализ реальной истории познания, реальных научных текстов. Мы при этом вовсе не проповедовали узкий эмпиризм, мы просто хотели строить эпистемологию по образцу таких дисциплин, как физика, биология, геология. Мы хотели совершить путешествие в мир науки, открывая там "острова" и "континенты", подобно тому, как это делали великие географы прошлого. И этот мир представлялся нам богатым и полным тайн. У молодых философов моего поколения было три пути: первый - оставаться в рамках канонической философии, второй - искать отдушину в западной литературе, пытаясь работать в традициях логики, аналитической философии и т. п., наконец, третий - прокладывать собственную дорогу в неизвестное. Мы выбирали этот третий путь. Это было счастливое время, ибо, воспитанные в рамках пошлого "диамата", мы действительно на каждом шагу открывали для себя новые миры и переживали радость этих открытий. Из марксизма мы заимствовали понятие естественноисторического процесса, и нам было ясно, что познание следует рассматривать тоже как некоторый естественноисторический процесс. Именно этот процесс и подлежал эмпирическому исследованию" [1, с.10].

Другой пример, иллюстрирующий эмпирический характер эпистемологических исследований в работе семинара, представляет

изучение проблемы онтологизации, которое проводилось в контексте анализа закономерностей формирования науки. Вот одно из воспоминаний об этой работе: "Все началось с изучения работ В. В. Докучаева, с интереса к факту открытия им почв. Материал по истории почвоведения был почти весь под рукой - все происходило совсем недавно и в родной стране. Мы с удовольствием знакомились с деталями, много раз на семинаре любовно перебирали поразительные факты, когда, скажем, всем нам знакомый природный объект, почва, вдруг, оказывается, не имел долгое время границ и потому не был объектом в собственном смысле слова. Или факта, когда В. В. Докучаев на Староладожской крепости обнаружил слой почвы и смог датировать начало его формирования. Потом к материалу истории почвоведения добавился материал по истории лесоведения, где было много своих удивительных гносеологических изюминок. Надо отдать должное Михаилу Александровичу Розову - у него был и, конечно же, остался великолепный вкус к гносеологическим фактам, он видел их удивительность и красоту и учил нас это понимать и чувствовать. Он умел их искать и находить в огромном количестве и любил обстоятельно, детально, с огромной любовью препарировать их на наших глазах. Это было подлинное чутье естествоиспытателя. Многие из этих фактов вошли в золотой фонд наших лекций, попали в наши статьи и диссертации, в монографии, обсуждались из года в год на семинарах. Именно такой материал, с большим количеством, казалось бы, мелких, малозаметных, но красноречивых и много нам давших фактов, мы нашли в истории формирования двух наук - почвоведения и лесоведения. На истории становления идеального объекта "почва" и идеального объекта "лес" мы и отработывали детали своего понимания "местной" онтологизации, онтологизации на микроуровне. Первые итоги этой работы мы зафиксировали в двух статьях - о почвах (1968г) [3] и о лесе (1972г) [4]" [2, с. 156-157].

Это был второй этап работы семинара, когда его участники вплотную приступили к реализации идеи эмпирической гносеологии. Уже был собран и проанализирован большой фактический материал по истории становления классической механики, теории электричества, географии, почвоведения, лесоведения, истории. "Мы провели уже симпозиум по проблеме анализа структуры науки с участием большой группы щедровитян, издали сборник (См. [5] - С.Р.). Уже были защищены первые кандидатские диссертации, начали выходить почти ежегодно сборники кафедры философии Новосибирского университета, где мы постоянно печатали свои статьи. Мы подводили первые итоги и готовились к новому "эстафетному" периоду нашей работы. Уже зрели исходные абстракции теории социальных эстафет", - вспоминают участники семинара [2, с.3].

Третий этап в работе семинара связан не только с открытием мира социальных эстафет и их более общим представлением - мира социальных куматоидов, но и с принципиальным методологическим открытием боровской дополнительности в изучении семиотических объектов вообще и социальных эстафет, в частности. Теория социальных эстафет выросла из попыток М.А. Розова подойти к анализу научного знания по стандартам естественной науки и в первую очередь понять способ его бытия как надличностного явления. Кроме того, важно было объяснить феномен понимания человеком научного текста, найдя его основания за пределами человеческой ментальности, в каких-то фактах и событиях социальной реальности. Ими и стали социальные эстафеты. "Социальные эстафеты, - пишет М.А. Розов, - это исходный, базовый механизм социальной памяти, который дает о себе знать буквально на каждом шагу независимо от того, с какими явлениями социальной реальности мы имеем дело. О социальной памяти говорят давно. Это и понятно. Нам нужно объяснить, каким образом постоянно воспроизводит себя гигантский социальный механизм, каким образом он вовлекает в свою сферу все новые и новые поколения. Конечно, существует социальный институт обучения, сложный и разветвленный. Но легко показать, что в основе лежат совсем другие и гораздо более фундаментальные процессы передачи опыта, которые мы сплошь и рядом склонны не замечать" [6, с.12] "...Наши простейшие предметные действия, и язык передаются путем воспроизведения непосредственно демонстрируемых образцов. В одном случае, - это образцы действий с предметами, - в другом, - образцы живой речи. Такую передачу опыта от человека к человеку или от поколения к поколению, т.е. передачу его путем воспроизведения образцов или, как говорят, путем подражания мы и будем называть социальными эстафетами"[6, с.13].

Для более полного понимания, что такое социальная эстафета, полезно сопоставить ее с волной. "Представьте себе, - разъясняет М.А. Розов, - одиночную волну, бегущую по поверхности водоема. Она может перемещаться на значительное расстояние, но это вовсе не означает, что частицы воды движутся вместе с ней в том же направлении. Происходит нечто другое: волна захватывает в сферу своего влияния все новые и новые частицы, непрерывно обновляя себя по материалу. Эстафета в указанном плане напоминает волну, она тоже проявляет относительное безразличие к тому или иному конкретному материалу, постоянно меняя как своих участников, так и те объекты, с которыми они действуют... Мы имеем здесь дело с некоторой сложной социальной программой, которая реализуется на периодически, а иногда и случайно меняющемся человеческом материале. Будем называть такие волноподобные объекты куматоидами (от греч. "сима" - волна). Социальная эстафета - это простейший пример социального куматоида"[6, с. 14].

Обобщая изложенное, можно сказать, что любой социальный куматоид - это некоторая программа или совокупность программ человеческого поведения, не обусловленная нашей биологической наследственностью, но воспроизводимая в конечном итоге по непосредственным образцам. В средствах теории социальных эстафет были построены волновые или куматоидные модели знака, знания, науки. Были получены ответы о способе бытия любых семиотических социокультурных образований как надличностных явлений [7].

О значении полученных результатов М. А. Розов говорит следующее: "Что значит решить вопрос о способе бытия знания? Нам представляется это исключительно важным. Это примерно так же важно для эпистемологии, как для оптики понимание того, что свет - это электромагнитные волны. Мы получаем исходную глобальную модель, исходную принципиальную ориентировку, способную определить весь ход дальнейшего исследования. Мы как бы нашли тот особый "мир", в рамках которого "обитают" интересующие нас явления. Это не "третий мир" К. Поппера, это мир социальных куматоидов, мир социальных эстафет" [6. с.22]

Литература

1. На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1996.
2. На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Выпуск 2. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1997.
3. *Розов М. А., Розова С. С.* О закономерностях формирования науки (на материале почвоведения) // Проблемы методологии научного исследования. Новосибирск: НГУ, 1968; перепечатка: На теневой стороне..., 1996, с. 194-214.
4. *Розов М. А., Розова С. С.* Один из аспектов системного представления науки // Системный подход и современная наука. Вып 2. Новосибирск: НГУ, 1972; перепечатка: На теневой стороне..., 1996, с. 254-268.
5. Проблемы анализа структуры науки (материалы к симпозиуму). Новосибирск: НГУ, 1967.

6. *Розов М. А.* Теория социальных эстафет и проблемы анализа знания // Теория социальных эстафет. История - Идеи - Перспективы. Новосибирск: НГУ, 1997.
7. *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. Учебное пособие для высших учебных заведений. Москва: Контакт - Альфа, 1995.